

ставлены однокоренные слова. Составители стремятся определить их смысловые связи, взаимоотношения. Ср.: *абсолютизм* → *абсолютист*; *автономия* → *автономист*, *автоном* (прил.); *акустика* → *акустик*, *акустик*; *геология* → *геолог*, *геологик* и т. п. Однако эти отношения не везде нашли отражение. Так, в словарных толкованиях не определены взаимоотношения однокоренных слов *антагонизм*, *антагонист*, *антагонистик*. Каждое из этих слов истолковано независимо от другого. См. также толкование слов: *альтернатива*, *альтернатив*; *аппендикс* и *аппендицит* и т. п. У читателя может сложиться впечатление, что это неродственные слова. Между тем *аппендицит* — это «воспаление аппендикса». Именно такое толкование и следовало бы дать в Словаре. Иначе искажается место слова в лексической системе языка, его взаимоотношения с другими словами. Например, судя по толкованию, прилагательное *асимметрик* является производным от *симметрик*, в то время как оно образовано от существительного *асимметрия*, которое и должно быть представлено в формуле толкования прилагательного *асимметрик*.

Не выпали из поля зрения составителей

многочисленные случаи полимотивированности производных слов, когда одно производное опирается на семантику нескольких производящих слов. Значение таких производных может быть раскрыто лишь путем отсылки ко всем мотивирующим словам. Ср. в Словаре: *анархистик* Анархистга ва анархистга оид; *антисемитик* Антисемитизмга ва антисемитга оид, антисемитизм руҳидаги и т. п. Этот очень важный принцип раскрытия семантики полимотивированных слов в Словаре не доведен до конца. Так, прилагательное *арготик* толкуется только через слово *арготизм*, хотя оно мотивировано также существительным *арго*; прилагательные типа *археологик* отсылаются лишь к наименованиям наук, отраслей знаний (*археология*), а названия лица (*археолог*) при их толковании не принимаются во внимание.

Указанные недостатки легко устраняемы при переиздании Словаря, который несомненно является важной вехой в развитии не только узбекской, но и тюркской лексикографии в целом.

Баскаков Н. А., Тенишев Э. Р.,
Тихонов А. Н., Шааббурашманов Ш.

Современный русский язык. Учебник для студентов филологических специальностей университетов. Под. ред. Белошапковой В. А. — М.: Высшая школа, 1981. 560 с.

Выход учебника, охватывающего почти все разделы университетского курса «Современный русский язык», — это значительное событие в жизни высшей школы. Необходимость в таком учебнике назрела давно, и не только потому, что последний университетский учебник по этому курсу вышел в 1962—1964 гг., но и потому, что за прошедшие два десятилетия произошли значительные изменения в содержании курса «Современный русский язык».

В подготовке учебника участвовали ученые, читающие основные разделы курса в Московском университете, — В. А. Белошапкова, Е. А. Земская, И. Г. Милославский, М. В. Панов, научные исследования которых явились большим вкладом в перестройку преподавания современного русского языка. Все это вызывает к рецензируемому изданию особый интерес и придает ему особый вес и значение.

Сразу заметим, что в изложении материала каждым автором есть свои особенности и в аспекте подачи материала, и в отношении к работам других лингвистов, и в способе аргументации, однако весь учебник объединяется общей целевой установкой: не столько предложить студенту сумму отстоявшихся знаний, сколько ввести читателя в самую глубину творческих поисков исследователей русского языка, в сферу научной полемики (учебник предполагает студента, безусловно владеющего знанием вопросов теории русского языка в объеме школьной программы).

Очень богата информативная ценность книги, отражающей факты русского языка середины и второй половины XX в.

Учебник включает Введение, в котором очерчивается содержание понятия «современный русский язык и его стили», Фонетику (с «орфоэпией», «графикой» и «орфографией»), Словообразование, Морфологию и Синтаксис, т. е. охватывает всю программу курса, кроме Лексикологии.

Теоретическую основу учебника составляют идеи московской лингвистической школы, отстаиваемые авторами в полемике с представителями других отечественных лингвистических школ. Лекторское мастерство авторов нашло отражение в композиции и особенностях изложения, богатого занимательными фактами, логично приводящими к теоретическим постулатам.

Все это делает учебник очень интересным, представляющим изучение русского языка как увлекательный поиск, а не как штудирование списков словоформ и конструкций. В то же время нельзя не видеть, что последовательное проведение концепций московской лингвистической школы сохраняет в тексте учебника многие дискуссионные положения, которые предлагаются студентам как единственно верные. Ни в коей мере не отрицая правомерности учебника такого типа, мы полагаем, что его появление открывает дорогу другим пособиям, написанным с позиций других отечественных лингвистических школ.

В увлекательно и ярко написанном

Введении четко и точно разъяснено, что литературный язык — это система систем, основными подсистемами которой являются кодифицированный литературный язык и разговорный язык (с. 30—32). Термин «стиль» отнесен лишь в экспрессивным разновидностям речи (высокий — нейтральный — разговорный). Функциональные стили рассматриваются как функциональные разновидности языка (заметим, однако, что отвергнутый термин «функциональный стиль» все же употребляется авторами на с. 21). Не признается функциональным стилем язык художественной литературы, рассматриваемый как «открытая система», не ограниченная средствами языка (с. 21). Дискуссионные вопросы стилистики не затрагиваются.

В Фонетике, помимо традиционных вопросов об устройстве речевого аппарата, об артикуляционной классификации гласных и согласных, изложена разработанная Р. Якобсоном, Г. Халле и М. Фантом акустическая дихотомическая классификация звуков. Необходимость включения этой классификации в вузовский учебник, безусловно, назрела. Однако при разъяснении принципов этой классификации были бы желательны рисунки спектрограмм, без которых студенту трудно осмыслить такие, например, признаки звуков, как компактность и диффузность, дизезность и недизезность, бемольность и небемольность.

Представляется вполне оправданным включение в учебник классификации суперсегментных единиц (слог, такт, фраза) и типологии интонационных конструкций. К сожалению, этот материал представлен очень сжато (с. 57—58).

При освещении фонологии с позиций московской школы полемика с ленинградской и другими фонологическими школами ведется темпераментно и увлеченно. Единственно, от чего, на наш взгляд, следовало бы воздержаться, — это от категоричности, с которой взгляды московской школы трактуются как единственно возможные (ср. с. 89, 90 и некот. др.).

В разделе Орфоэпия интересны новые параграфы: «Орфоэпия фонем в определенных позициях», «Орфоэпия грамматических форм» и особенно — «Орфоэпия отдельных слов» — очень полезные для культуры речи. Интересны также соображения о социофонетике.

В разделе Словообразование на основе идей В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, А. И. Смирницкого, с учетом современных концепций советских и зарубежных ученых рассматриваются категории синхронного словообразования, описываются виды морфем русского языка, членность и производность основ. Используются понятия субморфем (незначимых сегментов корневых морфем нечленимых слов, с. 173—174), интерфиксов (с. 174—181) и некот. др. Изложено учение о словообразовательном типе как основной ячейке словообразовательной системы языка, охарактеризованы способы словообразования. Хорошо раскрыта системность лексики, рассмотрены по словообразовательным типам. Особенно важна в этом отношении глава «Валентность мор-

фем и понятие продуктивности», в которой описаны и систематизированы разнообразные ограничения, препятствующие соединению деривационных морфем с производящей основой (с. 210—214). К достоинствам изложения Словообразования следует отнести и признание асимметрии между деривационными значениями и средствами их выражения (с. 223), и учет этой асимметрии при изучении и описании материала.

В целом этот раздел отражает многие лучшие достижения современного учения о словообразовании и написан именно как теоретический раздел, иллюстрируемый русским материалом. Для знакомства с конкретными фактами словообразования частей речи авторы отсылают читателя к другим учебным пособиям.

Описание морфологии строится на формально-грамматическом принципе классификации частей речи. Этот принцип является дискуссионным, так как он ведет к известному насилию над семантикой.

В учебнике строго разграничены словоформа, лексема (слово как представитель группы словоформ, обладающих тождественным лексическим значением), парадигма и форма слова. Много внимания уделено определению окончания как одной из значимых частей слова. Вопрос о разграничении словообразующих и формообразующих суффиксов снимается, так как последние причисляются к флексиям (с. 244). В результате, например, причастия имеют два окончания (*-ущ* и *-ий*), имеется окончание у деепричастий и т. д. В некоторых случаях, например, в отношении элемента *бы* в сослагательном наклонении, принимаются компромиссные решения (с. 326).

Спорным представляется отнесение к аналитическим формам глагола сочетания страдательного причастия со спрягаемой формой *был*, *буду* и с деепричастием *будучи* (*был построен*, *будет построен*, *будучи занят*, с. 346).

Выделение частей речи строится на основе значения окончаний и отчасти суффиксов (с. 256). Как будто бы принимая тезис о том, что части речи — это лексико-грамматические классы слов, авторы по существу не учитывают корневую семантику.

Утверждая, что местоимения как часть речи не существуют, а распределяются между существительными, прилагательными, числительными и наречиями, авторы все-таки описывают их в одном разделе под названием Местоименные слова, так как они «характеризуются некоторыми морфологическими особенностями, отличающими их от „типичных представителей“ соответствующих частей речи» (с. 302).

Авторы исходят из того, что грамматические категории должны охватывать всю лексику, объединяемому понятием «часть речи». Это приводит к нестандартным решениям многих вопросов. Так, степени сравнения, образованные и от прилагательных, и от наречий, рассматриваются как особый «разряд с особым словообразовательным значением внутри наречий» (с. 291).

Нестандартно описываются граммати-

ческие категории частей речи. Вслед за Н. Н. Дурново и А. А. Зализняком авторы выделяют четыре рода у существительных (парный род для лексем типа *ножницы, брюки, очки*). Единственное и множественное число существительных квалифицируются не как словоформы, а как разные лексемы.

Вслед за Р. Якобсоном в учебнике признается существование восьми падежей (два родительных и два предложных). На основе принятых критериев признается также существование счетного (*полтора часа*), ждательного (*жду концы*) и превратительного (*произвести в начальники*) падежей.

По набору окончаний единственного и множественного числа (в этом случае число признается категорией словоизменения) выделяются типы склонения существительных: субстантивное, адъективное и смешанное в соответствии с «Грамматическим словарем русского языка» А. А. Зализняка (М., 1977).

Разносторонне и подробно изложена в учебнике тема Глагол. Несмотря на то, что глагольный вид грамматической категорией не признается, в учебнике детально анализируются сочетаемостные свойства и морфологическая структура глаголов, противопоставленных по виду. К сожалению, аспектуальность глагола не рассматривается, хотя в разделе Синтаксис подчеркивается, что актуальные значения могут влиять не только на семантику, но и на структуру предложения (с. 517).

В оппозиции действительный — страдательный залог маркированным членом признается страдательный залог, а действительный характеризуется лишь отсутствием признаков страдательного (с. 321). Образования, принадлежащие разным залогам, рассматриваются как словоформы одной лексемы, причем предложено различать окончание *-ся(сь)* и суффикс *-ся(сь)*. К сожалению, точных критериев разграничения этих элементов в языке нет: ср. *мост разводится; билеты продаются* (с. 322). Классы русских глаголов даны на основе «Грамматического словаря русского языка» А. А. Зализняка.

Очень сужен разряд слов категории состояния: к ним отнесены только те неизменяемые полнозначные слова, для которых синтаксическая функция сказуемого является единственной (с. 353). В результате слова *можно, нужно, жаль* отнесены к категории состояния, а слова типа *светло, грустно, весело* из названной категории исключаются.

Последовательное проведение формально-грамматического принципа в описании морфологической парадигматики, как правило, невозможно без компромиссов, с которыми и сталкивается читатель учебника.

Раздел Синтаксис построен как описание трех основных синтаксических единиц: словосочетания, простого предложения и сложного предложения. Слово и словоформа рассматриваются как составляющие синтаксических единиц. Глубоко и всесторонне раскрывается соотнесенность синтаксических единиц:

словосочетания и предложения, простого предложения и сложного предложения.

Информативно и четко сделано разграничение уровней синтаксических связей (с. 370—373). При описании подчинительной связи разграничены такие характеристики, как предсказуемость/непредсказуемость и обязательность/необязательность связи. Прослежен изоморфизм сочинительной и подчинительной связей на уровне словосочетания и простого предложения (с. 378—380, 394—396).

Среди трактовок согласования, управления и примыкания, разумно развивающих отечественные традиции, останавливает внимание лишь необычная трактовка характера связи между именительным падежом существительного и спрягаемой формой глагола: эта связь оценивается как согласование, направленное от существительного к глаголу, и управление со стороны глагола (с. 386—387). Не вполне ясно выделение примыкания несогласуемой формы существительного (с. 399).

Теория словосочетания изложена кратко и четко. Фактический материал предполагается известным из академической «Грамматики русского языка» 1952—1954 гг.

В основе очень интересного учения о простом предложении лежит взгляд на предложение как на многоаспектное явление, как на комплекс нескольких независимых (хотя и взаимосвязанных) устройств (с. 412). В учебнике выявлены особенности соотношения формальной, смысловой и коммуникативной сторон устройства предложения. Важным представляется понимание предложения в его коммуникативном аспекте как компонента текста (с. 412), а также опора на факт асимметричности между разными сторонами предложения.

Большим достоинством раздела Синтаксис, выгодно выделяющим его среди других разделов учебника, является продуманное изложение традиционных синтаксических учений в свете современных трактовок тех же синтаксических понятий. Например, после изложения традиционного учения о членах предложения дана его оценка: анализируются не только слабые стороны этого учения, но и выявляются идеи, вытекающие из этого учения и представляющие ценность для современной синтаксической науки (с. 427). После изложения традиционного учения о типах предложения показана неоднородность критериев их различения (с. 434). Логично и мотивированно введено современное учение о структурных схемах предложения с его разновидностями. Предложена типология структурных схем и способов их расширения, разработанная автором раздела. Подобным образом изложен и вопрос о парадигматике предложения. Новаторскими являются главы Синтаксиса, посвященные смысловой организации предложения. Студенты узнают о синтаксических идеях последнего десятилетия, включаются в лабораторию творческих поисков синтаксистов и специалистов по лексической семантике.

В значении предложения различаются диктум и модус, характеризуются такие субъективные смыслы, как предикативность, целеустановка, персуазивность. Для описания объективного содержания предложения используется понятие пропозиции, которая понимается как модель называемого предложением «положения дел». Предикативная единица рассматривается как первичный способ выражения пропозиции, непредикативные — как вторичный.

В учебнике продемонстрирован новый подход к классификации семантических типов предложения на основе вида логического суждения. Расставлены современные акценты и в учении о членах предложения, среди которых различаются главные и неглавные конститутивные члены, неконститутивные члены и детерминанты.

В главе о коммуникативной организации предложения характеризуются не только традиционно описываемые средства выражения актуального членения (интонация, порядок слов, частицы), но и специальные синтаксические конструкции, которые формальными средствами выделяют тему высказывания.

Описание сложного предложения, несмотря на его лапидарность (всего 40 страниц из 558), содержит материал по всем сколько-нибудь значительным вопросам, поднятым в последние годы в синтаксической теории: природа частей сложного предложения, семантика сложного предложения, место бессоюзного сложного предложения в системе современного русского языка, парцелляция и др. Принципиально важной представляется идея изоморфизма структурной схемы сложного предложения структурной схеме словосочетания. Показы характеристики предикативных единиц, обязательные для того, чтобы они могли стать частями сложного предложения.

В качестве самого важного конструктивного признака структурной схемы сложного предложения выделен вид синтаксической связи его частей, которая может быть сочинительной, подчинительной и недифференцированной. Убедительно показано, что в бессоюзных предложениях противопоставление сочинительной и подчинительной связи снято.

Описание классов сложных предложений строится на формально-семантической основе. Названы три вида различительных признаков: формальные, формально-смысловые и смысловые. Соответственно различаются понятия «тип», «разряд» и «разновидность» сложных предложений (с. 526). Классификация, основанная на значениях, создаваемых лексическим наполнением частей, позволяет внутри формально-смысловых разрядов выделить собственно смысловые разновидности. Удача раздела не только в творческом использовании достижений современной синтаксической теории, но в очень большой степени — в использовании собственного исследовательского материала автора раздела.

При делении сложноподчиненных предложений обращается, в частности, внимание на природу различия в средствах выражения связи частей. Убедительно показано, что самая суть грамматических различий между расчлененными и нерасчлененными сложноподчиненными предложениями состоит в том, что они организуются разными видами подчинительной связи: в нерасчлененных предложениях связь носит предсказуемый характер, а в расчлененных — непредсказуемый. Характер связи учитывается и в дальнейшем, более дробном делении расчлененных и нерасчлененных предложений (с присловной, корреляционной и детерминативной связью).

Бессоюзные предложения рассматриваются как особый структурно-семантический класс сложных предложений со специфической формальной организацией. Бессоюзные сложные предложения открытой структуры включены в разряд сложносочиненных. Бессоюзные построения закрытой структуры делятся на нетипизированные и типизированные. Последние членятся по формальным признакам на предложения с анафорическим элементом, с позицией заключительной частицы и незамещенной синтаксической позицией.

Удачны и методически полезны схемы, наглядно представляющие типологию сложносочиненных (с. 533), сложноподчиненных (с. 545) и бессоюзных (с. 552) предложений.

Раздел Синтаксис может служить примером реализации принципа единства формы и содержания. К достоинствам раздела следует отнести и оценку языковых фактов с точки зрения нормированности и стилистической отнесенности.

В целом перед нами учебник нового типа, задачей которого является не столько сообщить конкретные перечни имеющихся в языке словоформ и конструкций (при наличии большой справочной литературы это стало вполне возможным), сколько познакомить студентов с состоянием теоретической мысли ученых-русистов, ввести их в самую гущу научных поисков, подготовить к самостоятельной творческой деятельности в области изучения русского языка. Оптимально решается эта задача в разделе Синтаксис. Несколько односторонне, в духе категорической агитации за свои научные позиции — в разделе Фонетика.

Но при имеющейся разнородности разделов все они объединены горячей увлеченностью их авторов своим предметом и желанием передать эту увлеченность студентам.

Ученые Московского университета подготовили яркий, самобытный, новаторский учебник, который, несомненно, будет способствовать делу улучшения преподавания современного русского языка в вузах страны.

Колосова Т. А., Попова З. Д.